

Виталина Тхоржевская

Тхоржевская Виталина Витальевна родилась 7.10.1971 в Свердловске. Пишет стихи с 1987 г. Печаталась в журналах «Урал», «Алконость», «Окрестности», «СП» и др. Автор книг стихов «Птичья память» (Свердловск, 1991) и «Путешествие в обратную сторону» (Самара, 1994). Воспитывает двоих детей. Участница АСУП-1,2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов В.Т.

Традиции, направления, течения: модернизм, постсимволизм, сюрреализм, барочность, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм).

Основные имена влияния, переключки: В. Ходасевич, Б. Поплавский, И. Бродский, Е. Летов, Я. Дягилева, Е. Шварц, П. Барскова, А. Горенко.

Основные формальные приемы, используемые автором: прямое лирическое высказывание, экспрессивность, ассоциативность, медитативность, интертекстуальность, интеллектуализм, гротеск.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: судьба, жизнь, одиночество, неприкаянность, любовь, стихийность (погруженность в стихии), природа, птицы, Гамлет, Йорик, метаморфозы, быт, Бог (религиозность), время, слово, молчание, немота, поэзия и поэт.

Творческая стратегия: стремление обнаружить сверхъестественное в имманентном.

Динамика: ощутимо расширение философского дискурса в стихах 2-го тома (по сравнению с 1-м), актуализирующих темы вечности и памяти. Однако в стихах 3-го тома философский дискурс редуцируется: на смену абстракциям и сюрреалистическим ассоциативным рядам с мерцающими смыслами приходят конкретика и быт. Стихи наполняются земным звучанием, но от этого не становятся менее экспрессивными.

Коэффициент присутствия: 0,58

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родилась в Свердловске 7 октября 1971 года. Второй ребёнок в семье. Брат жил у бабушки с дедушкой в пос. Шарташ, я – в городе с родителями, но выходные и каникулы проводила там же. Тогда это был ещё настоящий посёлок с большим садом за забором, куда нас с соседскими ребятами пускали гулять, не задавленным ещё городом озером, «кинокурятником» «Луч», аптекой, куда мы сдавали собранные и высушенные лекарственные растения, грибным леском неподалёку.

Когда я родилась, моей маме было 26 лет, и она училась на заочном историческом в университете (до того она закончила техникум и работала, как я ещё помню, в каком-то КБ), а папе – 29 лет, и он, молодой КМС, только недавно перестал «подавать надежды», уйдя из института вирусологии в «богачельню» ДСП (Дом санитарного просвещения, по моей детской памяти, – место совершенно райское и обломовское). Родители были молоды и энергичны, часто брали нас с братом в походы на отдых «дикарями». Папа ещё до моего рождения начал тесно общаться с богемой – Гавриловыми, Буяновым, композитором Штелманисом, Павловым, Дьяченко, Малаховым и другими «вольными людьми искусства». Сам папа писал прозу и стихи, рисовал, музицировал на пианино, сочинял песни – словом, чем только ни занимался. Меня старались держать подалеже от богемной жизни, но кое-что я всё же видела и понимала. До сих пор помню, как меня увели со второго отделения спектакля Бальмонта, который, говорят, закончился полным скандалом, там полуголые артисты экспрессивно изображали непонятные мне страсти, очень хотелось понять, о чём это всё и к чему они клонят, но со взрослыми не поспоришь. Чаще же меня просто отправляли к бабушке.

В школьные годы всерьёз увлекалась музыкой, играла на домре под руководством талантливой учительницы М.С. Самородской. После 8 класса поступила в музучилище им. Чайковского, которое бросила 2 года спустя, разочаровавшись в возможности реализации своих идей в музыкальном исполнительстве. Пыталась работать почтальоном, закончила экстерном вечернюю школу. Поступила на филфак в УрГУ. После 3-х лет на заочном перевелась на дневное, недоучилась, бросила на 4 курсе и уехала в Москву в Литературный институт, откуда меня «убедительно попросили» уже год спустя.

Стихи писала всегда, но по-разному. Сперва это были какие-то полусознанные детские камлания, потом – подростковые рефлексии и только

с 1987 года – стихи в нашем обычном понимании этого процесса. Начала я их писать сразу, в один вечер.

Это был новый 1987 год, в гости пришла поэт Зинаида Гаврилова, и мне впервые налили целых два бокала шампанского. Зинаида – в шали и шляпе – читала стихи и рассказывала невероятные истории про «аквариум поцелуев» и другие свои сверхромантические романы. А я, помню, ушла в свою комнату, села за стол, и написала стихотворение или два. Они не были лучше тех, что я давно уже писала и прежде, но были написаны иначе, и это было принципиально: раньше я сидела и подыскивала слова, а с той минуты слова стали искать меня, возник диалог. От этого дух захватывало. Кстати говоря, с тех пор я пару раз читала Зинаиде свои стихи, и она, уходя, разыгрывала сцену: старик Державин благословляет молодого Пушкина, «в гроб сходя». Это было разыграно два или три раза до её скорой смерти.

В том же 1987 году в Свердловске творились вещи небывалые и удивительные. Выставка на Сурикова, 31. Мой папа участвовал в ней, вывесив свои картинки, нарисованные на копирке (наклеенные на картон) – буквально «вывесив» – как бельё, на верёвке и бельевых прищепках. Помнится, к папиным картинам я написала подписи-экспромты. Поэтому это был как бы наш общий семейный дебют. Это была очень весёлая, бесшабашная, бескорыстная выставка. Очень много юмористических картин и разгильдяйских экспериментов. Чтения стихов, музицирование. Позже всё это переехало на Сакко и Ванцетти, потом – на Ленина, 11.

Важными для моего поэтического становления событиями стали в то время знакомство с А.С. Бурштейном и вхождение в свердловскую поэтическую тусовку через литературное объединение при газете «На смену!». Бурштейн дал мне прочесть многие важные в образовательном отношении вещи – Налимова, Голосовкера, Проппа, Нефёдова, себя, журналы эмиграции, а главное – объяснил мне тогдашнюю меня как мир и миф, как поэта. Теперь я понимаю, что, несмотря ни на что, тогдашние стихи были в своём роде лучшими: они полностью мне соответствовали, целиком меня покрывали. Я была во многом банальна, мелодраматична, наивна и оттого близка и понятна заурядному читателю. Можно сказать, это был мой «звёздный час». Потом я выросла, стала сложнее, естественный язык был утрачен и связь с современниками постепенно утеряна. Осталась тоска по соответствию стихов внутреннему «я». С тех пор я как бы перевожу себя на поэтический язык, которым владею, как владеют иностранным, а тогда просто говорила, хотя и болтала по большей части сущий вздор.

В литобъединение им. Пилипенко я пришла, по-моему, в конце сентября 1987 года, меня не-

Свадьба родителей, 1.04.1967

медленно почему-то делегировали на городской конкурс поэтов. Я вылезла на сцену со стихами в первый раз в жизни, держалась очень уверенно (давало себя знать концертное детство) и немедленно разделила с Юлей Крутевой 3–4 место (1–2 разделили Ройзман и Зиниград). Это тогда просто свалилось мне на голову. А уже в январ-

В.Т., 1975 г.

Тхоржевские Ольга Николаевна, Александр, Виталина, Виталий Владиславович, 1974 г.

ском номере 1989 года меня напечатали в «Урале», да ещё в компании Тягунова и Зиниграда. Я много писала и выступала, когда приглашали. В начале 1989 года закончила собирать первую книжку «Птичья память» (написанная в мае поэма «Вырей» уже не вошла в неё по хронологическим соображениям), неожиданно какими-то окольными путями она улетела в печать, откуда так же неожиданно вылетела в 1991 году, совершенно для меня к тому времени морально и стилистически устарев.

К тому времени я окончательно и бесповоротно стала «трудным подростком». Гонимая тоской по городам, я стусовалась с хищни. (Помню, увидела на Арбате, как они поют и танцуют: «Ребята, а можно с вами?» – «А кто ты?» – «Бродячий поэт». Всё на полном серьёзе). Потом Юра Ощепков пригласил меня в рок-группу (памятуя моё музыкальное прошлое), назвались мы «Сара Гопату и её бедные дети». Я играла на соло-гитаре типично домровыми приёмами, пели панкху, пили одеколон и не менее ядовитую, чем одеколон, перестроечную водку... Было Ленина, 11. Выставка, переросшая в коммуны. Коммуна, перерастающая в притон. Был кашник-балаган. Были рок-фестивали, поездки по трассе, нехватка выпивки и сигарет, зато с лихвой наркотиков и наркоманов. У нас всё было, как и во всей стране тогда: в полный рост свобода – без креста, с крестом, на кресте – кому как...

В 1992 году это всё логически должно было подойти к финалу, я это видела ясно. Ухватила за соломинку, вышла замуж, устроилась на временную работу в библиотеку, потом перевелась на дневной в универ. Опять началась как бы челове-

ческая жизнь. И снова мне в ней не жилось, ещё хуже не жилось, чем когда-либо до или после.

В 1994-м году был фестиваль в Москве, организованный Димой Кузьминым. Туда приехала из Свердловска просто огромная тусовка – больше 10 человек. Дозморов, Сверчков, Верницкий, Анкудинов с женой... Фестиваль был организован довольно широко, всем оплатили дорогу, и мы весело прокучивали деньги с новыми друзьями-приятелями. Вечером в загородном общежитии, где нас поселили, проходили концерты, пели Рада и Олег Пашенко. Познакомилась и подружилась с Олей Зондберг, потом долго и серьёзно переписывались. Незадолго до этого мои самарские товарищи Александр Уланов и Галина Ермошина издали книжку моих «подростковых» стихов. Они же познакомили меня с Максимом Анкудиновым, у которого я записала акустический «флэтовик» песен.

Но я считала, что «наука сушит». Жизнь действительно «сушила». Рацию давило. Я чувствовала, что изнемогаю, внутренне схожу с ума. Я опять начала плыть по второму, более чёрному и бессознательному кругу.

В 1996 году – начинается Москва, катастрофа, новая жизнь. Я уехала в Москву от свердловской стагнации в поисках любви, жизни, реальности – слава Богу, получила я всё это в такой степени, что едва там же не погибла в физическом смысле этого слова. По сути, на этом (в 25–26 лет) процесс инициации, наконец, закончился, я начала взрослеть. Из института меня вышибли, была продана моя-дедушкина квартира, прожитая-промотанная в считанные месяцы, я уехала в Харьков к будущему отцу моих будущих детей

В.Т., 1987 г.

поэту Владу Колчигину, который также до некоторой степени был одним из моих литературных учителей, один из самых талантливых читателей, встречавшихся мне в жизни, очень взыскательный к форме стиха и проповедующий собственную поэтическую теорию «вербализма», из которой я немало почерпнула, и всё же осталась, в общем, с ней не согласна.

В Москве я завела много знакомств и дружб, литературных и человеческих. В отношении художественного развития считаю важным знакомство с корпорацией «Межлокальная контрабанда», с её лидерами Алексеем Михайловым и Евгением Вигилянским. Эти ребята произвели на меня сильнейшее впечатление «другим», неакадемическим отношением к искусству, к философии, к экзистенции. Их авантюризм, энергия, открытость, бесшабашное анонимное бескорыстие («все права якобы защищены») – всё это привлекало меня в высшей степени. Они ничего не читали и всё знали. Философия отношения к времени – партизанщина из будущего, космическое, нелокальное мировосприятие. Я сразу почувствовала, что это моё. В 1997 году я написала стихотворение «Введение в необитаемое время», которое является прямым переложением наших бесед («необитаемое время» – термин, введённый Михайловым). Это было моё и осталось моим, но сотрудничество как-то не сложилось, возможно, потому что я была сильно духовно истощена уже на тот момент, вдохновение, которое на протяжении нескольких лет – криво или прямо – било из меня ключом, физически истончилось, истощилось, на смену пришли бессилие и пустота, не лучший период для новых проектов.

В 1998–2007 году я (мы) живу (живём) в Харькове, Краснограде, сёлах Долгеньком и Кумах. Я часто приезжаю в Свердловск, здесь рождаются оба моих ребёнка – Матфей в 2001-м и Иоанна в 2004-м. С рождением детей становится очевидной всяческая эфемерность семейных уз. Мы не работаем, я не хочу принимать украинское гражданство, у нас нет будущего. Я возвращаюсь домой.

В 35 лет я вернулась туда и к тому, откуда и от чего бежала в 25. С двумя маленькими детьми, с постаревшими родителями, без образования, без специальности, почти без стажа. И я поняла, что оптимальный предел жизненных трудностей наконец-то достигнут. Начала жить «как люди». Устроилась на работу – сперва в клининговую фирму, в «бригаду», потом, когда сын пошёл в 1-й класс, домработницей, потом уборщицей, сейчас работаю социальным работником. Поступила учиться. Сперва сунулась восстанавливаться в универ – потеряла год, потом поступила заново в УрГПУ на привлекательную для меня специальность «русский и английский язык». Потому что уже лет 10 набегами перевожу английские стихи, и мне это нравится. Пишу стихи нерегулярно, по мере внутренней потребности, часто бывает некогда. Хотя и не только в этом дело. В данный момент произошло переосмысление, я перестала считать себя профессиональным литератором (хотя сейчас и пишу этот текст именно в этом контексте, но для меня это атавизм, пишу из уважения к чужому интересному и глобальному проекту, потому что считаю, что его нужно поддержать, т.е. из соображений принципиальных: действие – это блаженство (Блейк). Я не живу ради поэзии, ради стихов. Это была глупость. Мне меньше всего хо-

Венчание с Е.Реутовым, 1991 г.

В.Т. с дочерью Иоанной, 2007 г.

чется жить прошлым. Можно сказать, в данный момент я по-чеховски пытаюсь выдавить из себя по капле литератора, работаю над этим. Мы здесь и мы вместе, только это сейчас для меня важно. Мы все находимся под страшным прессом (полувербализованное требование зарабатывать ненужные деньги и тратить их на ненужные вещи, обсуждать ненужные вопросы; имеются в виду не вечные вопросы языка и поэтической формы, обсуждать которые – чистый кайф, а всяческие споры на темы историко-литературных и особенно статусных значений: 80% «литературного» общения сводятся к вопросу «кто круче», а также пустым сплетням), отчуждены от самих себя, втянуты в фальшивые, избыточные, какие-то бюрократические игры. Это способно убивать и убивает. Пыталась замутить какие-то околотературные игры, не выходит, не вписываюсь. Я люблю жизнь и поэтому я не литератор. В данный момент ощущаю себя в конкретной, дантовской, поворотной точке сюжета: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Это очень странное место.